

Не те пятки

Мудрый Джаффар, заботливый правитель города, заметил, что по улицам и базарам Каира бродят, пошатываясь, люди с бледными, словно восковыми, лицами, крупными каплями пота на лбу и мутными глазами. Презренные курильщики опиума. Их было много, очень много. Это обеспокоило заботливого правителя города. И он созвал к себе на совещание всех наиболее почитаемых, знатнейших и богатейших людей Каира.

Угостив их сладким кофе, рахат-лукумом, финиками, начинёнными фисташками, вареньем из лепестков роз, янтарным мёдом, винными ягодами, изюмом, миндалём и орехами в сахаре, он встал, поклонился и сказал:

— Святой муфтий, чтимые муллы, уважаемый кади, почтенные шейхи и вы все, кого знатность, власть или богатство поставили выше людей! Только один аллах в своей премудрости знает, на что существует это безумие. Но весь Каир курит опиум. Люди похожи на воду, и недовольство — на тот туман, который поднимается над водой. Люди недовольны жизнью здесь, на земле, и ищут другой в мечтах, которые навеивает на них проклятый сок мака. Я созвал вас, чтобы спросить у вашей мудрости совета: что нам делать в такой беде?

Все вежливо молчали. Только один кто-то сказал:

— Устроить людям жизнь здесь на свете получше!

Но на него посмотрели, как на дурака.

Поднялся сам муфтий, поклонился и сказал:

— Жители Каира — ленивцы. Среди них много воров. Они плуты, мошенники, обманщики. И если каждый из них не продаёт родного отца, то только потому, что нет покупателей. Но они благочестивы. А это самое главное. К благочестию их и надо обратиться. Против желаний сильна только мысль. А мысль — это благовонный дым, который исходит от пламенных слов. Горят и пылают слова, от них струятся мысли и фимиамом заволакивают умы слушателей. Позволь мне, заботливый и мудрый правитель города, обратиться к благочестивым жителям Каира с пламенными словами о вреде курения опиума.

Заботливый правитель города ответил:

— Аллах дал человеку язык, чтобы говорить. Я позволяю обращаться к жителям с какими угодно словами, только бы эти слова не были против полиции. Можно говорить, что угодно, об аллахе, но ничего о полиции. Аллах всемогущ, и сам сумеет наказать виновного. Это его святое дело. Но полиции касаться я не позволю. Во всём остальном язык свободен, как птица. И слова — как птичье пение.

В ближайшую пятницу в самой большой мечети Каира муфтий поднялся на возвышение и сказал:

— Создания аллаха! Вы курите опиум, потому что это одна из радостей жизни. Бросьте, потому что это только одна из радостей жизни. Что такое жизнь? Что говорит нам о ней пророк, да будет над ним мир и благословение? Не увлекайтесь радостями этой жизни, тленной и скоропреходящей, — потому что там вас ждут радости вечные, которым нет конца и нет перерыва. Не увлекайтесь богатством. Там ждут вас горы алмазов, рубинов, бирюзы. Золотом вытканы там палатки из драгоценных шалей, пухом, нежнее лебяжьего, нашиты подушки, и мягки они, как колени матери. Не увлекайтесь едой и питьём. Там ждёт вас еда, которую вы будете есть вечно, не зная пресыщения. И розами пахнет там свежая ключевая вода. Не увлекайтесь охотой. Дивными птицами, красоты неописанной, словно покрытыми драгоценными камнями, полны там леса. И из каждого куста на вас будет смотреть газель. И вы будете стрелять их золотыми стрелами без промаха, несясь на конях, быстрых и лёгких, как ветер. Не увлекайтесь женщинами. Там будут служить вам покорные гурии, прекрасные, вечно юные, не знающие старости, не знающие забот, кроме одной: быть вам приятными. Их глаза полны любви, а слова — музыки. Их вздохи наполняют воздух ароматом цветов. Когда они танцуют, они похожи на лилии, качающиеся на своих стеблях. Ваш опиум даёт вам это только на мгновение, а там, — там это вечно!

И чем лучше говорил святой муфтий про рай, тем больше разгоралось в сердцах слушателей желание узнать этот рай поскорее и увидеть его хоть на одно мгновение.

Чем больше проповедовал муфтий, тем сильнее и сильнее распространялось курение опиума в Каире.

Скоро не осталось ни одного благочестивого человека, который бы не курил.

Если встречался на улице или на базаре человек с цветущим лицом и ясными глазами, — мальчишки схватывали камни:

— Вот нечестивец, который никогда не ходит в мечеть! Он не слышал, как наш святой муфтий описывает рай, и не желает повидать этот рай хоть на мгновенье.

Всё это встревожило заботливого правителя города Джаффара.

Он созвал к себе знатнейших и благороднейших жителей города на совещание, угостил их кофе и сладостями, как требовало его и их достоинство, поклонился и сказал:

— Благочестие благочестием, но внушать людям хорошие мысли при помощи слов мне кажется противным природе. Человек принимает и извергает принятую пищу с разных концов своего тела. То же должно быть и с пищей духовной. Голова — это желудок, где перевариваются мысли, а изо рта они вылетают в виде слов. Раз с этого конца тела мысли выходят, — значит, входить они должны с другого конца. Из этого я заключаю, что хорошие мысли должно внушать палками по пяткам. Это дело уже не муфтия, а заптиев. Так я понимаю свои обязанности.

Все вежливо молчали.

Присутствовавший на собрании мудрый и святой дервиш перестал есть сладости и сказал:

— Ты прав. Но нужно бить палками надлежащие пятки!

— Я и буду колотить те пятки, которые следует! — сказал Джаффар.

В тот же день глашатаи на всех базарах и перекрёстках улиц Каира с барабанным боем во всё горло прокричали приказ заботливого правителя города:

— Объявляется всем добрым и благочестивым жителям Каира, — да хранит аллах этот город тысячи тысячелетий, — что отныне воспрещается всем, мужчинам, женщинам и евнухам, юношам, взрослым, старикам, знатным, рабам, богачам и нищим, курить опиум, — так как куренье опиума не только вредно для здоровья, но неприятно начальству. Всякий, кто будет уличён в курении опиума, тут же, на месте, немедленно, без всяких разговоров, получит столько палок по пяткам, сколько он может вытерпеть. И даже несколько больше. О чём правителем города Джаффаром, — да пошлёт ему аллах столько счастья, сколько послал мудрости, — дан надлежащий приказ всем заптиям. Имеющие пятки пусть подумают!

Джаффар собрал к себе заптиев и сказал им:

— Отныне, как только увидите человека с бледным лицом, в поту и с мутными глазами, бейте его по пяткам, как в бубен. Безо всякого милосердия. Идите, и да поможет вам в этом аллах.

Заптии весело посмотрели на заботливого правителя города. Полиция всегда рада исполнить волю начальства. И сказали:

— Пошли аллах жителям побольше пяток, а у заптиев рук хватит.

Целые дни и даже ночи Джаффар, сидя у себя в доме, слышал вопли тех, кому вбивали в пятки хорошие мысли, и радовался:

— Искореняют!

Заптии, как он заметил, стали одеваться лучше, губы и щёки у них лоснились от бараньего жира, — видимо, каждый день ели молодого барашка, — и многие даже завели себе кольца с бирюзой.

Но курение опиума не уменьшалось.

Кофейни были полны людьми, которые душевными глазами видели рай, но телесными смотрели мутно и не видели ничего.

— Те ли пятки вы бьёте? — спросил заботливый правитель города у начальника заптиев, помня слова мудрого и святого дервиша.

— Господин! — отвечал тот, целуя землю у его ног. — Мы поступаем по твоему мудрому приказу: как только увидим человека в поту, с бледным лицом и с мутными глазами, безо всякого милосердия бьём его по пяткам.

Джаффар приказал послать осла за мудрым и святым дервишем.

Мудрый и святой дервиш приехал с великой честью. Джаффар встретил его босиком, потому что голова мудреца — это дом аллаха, и к жилищу аллаха надо приближаться босым.

Поклонился дервишу до земли и рассказал своё горе. — Спроси совета у твоей мудрости и сообщи его моей простоте.

Дервиш пришёл в дом заботливого правителя города, сел на почётное место и сказал:

— Моя мудрость сейчас молчит, потому что говорит желудок. Мудрость умна и знает, что желудка не перекричишь. У него такой громкий голос, что, когда он кричит, все мысли улетают из головы, как испуганные птицы из куста. Я пробовал его укрощать, но с этим бунтовщиком можно справиться, только

исполнив все его требования. Этот бунтовщик меньше всякого другого слушает доводы рассудка. По дороге к тебе я встретил ягнёнка, но с таким курдючком, какой приятно было бы видеть и у взрослого барана. В желудке у меня явилась мысль: «Хорошо бы посмотреть его зажаренным». Но рассудок ответил: «Мы едем к заботливому Джаффару, и там нас ждёт ягнёнок, чиненый орехами». Желудок замолчал, пока мы не встретили курицы, курицы такой жирной, что от лени она едва ходила. — "Хорошо бы начинить эту курицу фисташками!" — подумал желудок, но разум ответил ему: «Заботливый Джаффар, наверное, это уже сделал». При виде гранатового дерева желудок стал кричать: «Куда мы едем и чего ищем, когда счастье около нас? В жару какое общество может быть приятнее общества спелой гранаты в тени дерева?» Разум отвечал разумно: «У заботливого Джаффара нас ждут не только спелые гранаты, но и апельсиновые корки, варёные в меду, и все сорта шербета, какие только может придумать заботливый человек». Так ехал я и всю дорогу думал о кебабах, пловах, почках, жареных на вертеле курах с шафраном, и успокаивал желудок тем, что всё это, наверное, найдём мы у тебя. И в изобилии. Теперь же, когда я не вижу ничего, кроме тебя, мой желудок кричит так громко, что моя мудрость молчит из боязни не быть услышанной даже мною.

Джаффар удивился:

— Неужели мудрые и святые думают о таких вещах, как кебабы и пловы? Дервиш рассмеялся:

— А неужели ты думаешь, что вкусные вещи созданы для дураков? Святые должны жить в своё удовольствие, чтоб всякому захотелось стать святым. А если святые будут жить плохо, а хорошо только грешники, — всякий человек предпочтёт быть грешником. Если святые будут умирать с голода, — только дурак захочет быть святым. И тогда вся земля наполнится грешниками, а рай пророка — одними дураками.

Услышав такие мудрые и справедливые слова, заботливый Джаффар поспешил приготовить для дервиша угощение, которое отвечало бы его мудрости и было бы достойно его святости.

Мудрый и святой дервиш поел всего с величайшим вниманием и сказал:

— Теперь займёмся делами. Горе твоё в том, что ты бьёшь не по тем пяткам.

И заснул, как делает каждый мудрый человек после хорошего обеда.

Три дня думал заботливый Джаффар:

— Что же могли значить мудрые слова святого человека? И наконец, радостно воскликнул:

— Нашёл настоящие пятки!

Он призвал к себе всех заптиев города и сказал:

— Друзья мои! Вы жалуетесь, что пятки жителей победили руки полицейских. Но это случилось потому, что мы били не по тем пяткам. Желая уничтожить деревья, мы обрывали листья, а надо выкопать корни. Отныне бейте без всякого милосердия не только тех, кто курит, но и кто продаёт опиум. Всех содержателей кофеен, харчевен и бань. Не жалейте палок, аллах создал целые леса из бамбука.

Заптии весело посмотрели на заботливого правителя города. Полиция всегда рада приказаниям начальства. И сказали:

— Господин! Мы жалеем только об одном. Что у жителей всего по две пятки. Если бы было по четыре, мы вдвое сильнее могли бы доказать тебе своё усердие!

Через неделю Джаффар с радостным изумлением увидел, что заптии оделись совсем хорошо, все ездили на ослах, и никто не ходил пешком, — даже самые бедные, женатые всего на одной жене, переженились на четырёх.

А курение опиума всё не уменьшалось.

Заботливый Джаффар впал в сомнение:

— Неужели ошибается мудрый и святой человек?

И сам поехал к дервишу. Дервиш встретил его с поклонами и сказал:

— Твоё посещение — великая честь. Я плачу за неё обедом. Всякий раз, когда ты приезжаешь ко мне, вместо того, чтобы позвать меня к себе, — мне кажется, что у меня отнимают превосходный обед.

Джаффар понял и подал святому и мудрому блюдо с серебряными монетами.

— Рыба, — сказал он, — это только рыба. Из неё не сделаешь баклажанов. Баклажаны только баклажаны. Барашек только барашек. А деньги — это и рыба, и баклажаны, и барашек. Из денег можно сделать всё. Не смогут ли эти монеты заменить тебе обед?

Мудрый и святой дервиш посмотрел на блюдо с серебряными монетами, погладил бороду и сказал:

— Блюдо серебряных монет похоже на плов, которого можно съесть сколько угодно. Но заботливый хозяин прибавляет в плов шафрану!

Джиаффар понял и посыпал серебряные монеты сверху золотыми.

Тогда дервиш взял блюдо, с почестями ввёл заботливого правителя города к себе в дом, внимательно выслушал его и сказал:

— Скажу тебе, Джиаффар! Твоё горе в одном: ты бьёшь не те пятки! И курение опиума в Каире не прекратится до тех пор, пока ты не отколотишь надлежащих пяток!

— Но какие же это пятки?

Мудрый и святой дервиш улыбнулся:

— Ты только что взрыхлил почву и посеял семена, а ждёшь, чтобы сразу выросли деревья и принесли тебе плоды. Нет, мой друг, надо приходить почаще и поливать деревья пообильнее. Ты угостил меня хорошим обедом, за который я благодарю тебя ещё раз, и принёс мне денег, за которые с нетерпением жду случая поблагодарить тебя ещё раз. Счастливо оставаться, Джиаффар. Ожидаю твоих приглашений или посещений, как тебе будет угодно. Ты господин, я буду тебе повиноваться.

Джиаффар поклонился мудрецу, как надо кланяться святому.

Но в душе его бушевала буря.

«Может быть, — думал он, — в раю этот святой будет как раз на месте, но на земле он совсем неудобен. Он хочет сделать из меня козу, которая сама приходит в дом, чтобы её доили! Не бывать же этому!»

Он приказал согнать всех жителей Каира и сказал им:

— Негодяи! Хоть бы вы посмотрели на моих заптиев! Они борются с куреньем опиума, и смотрите, как невидимо помогает им аллах. Самый неженатый из них стал очень женатым в какую-нибудь неделю. А вы? Вы прокуриваете на опиуме всё, что имеете. Скоро ваших жён придётся продавать за долги. И вам останется сделаться евнухами, чтобы как-нибудь поддерживать своё жалкое существование. Отныне всех вас будут бить бамбуками по пяткам! Весь город виноват, — весь город и будет наказан.

И тут же отдал приказ заптиям:

— Бей всех, правого и виноватого! Мудрый и святой дервиш говорит, что есть какие-то пятки, которых мы не можем отыскать. Чтоб не было ошибки, бейте

все. Так мы постучимся и в ту дверь, в какую следует. Не ускользнут от нас виновные пятки, и всё прекратится.

Через неделю были прекрасно одеты не только все заптии, но и их жёны.

А курение опиума в Каире не прекратилось. Тогда заботливый правитель города пришёл в отчаяние, приказал нажарить, напечь, наварить, наготовить на три дня, послал осла за мудрым и святым дервишем, встретил его с блюдом, наполненным одними золотыми монетами, три дня потчевал и угощал и только на четвёртый приступил к делу. Рассказал своё горе.

Мудрый и святой дервиш покачал головой:

— Горе твоё, Джаффар, осталось всё то же. Ты бьёшь не по тем пяткам, по каким следует.

Джаффар вскочил:

— Прости, но на этот раз даже тебе я стану противоречить! Если в Каире есть хоть одна виновная пятка, — она теперь получила столько палок, сколько следует! И даже больше.

Дервиш ответил ему спокойно:

— Сядь. Стоя человек не делается умнее. Будем рассуждать спокойно. Сначала ты приказал бить по пяткам бледных людей, в поту и с мутными глазами. Так?

— Я срывал листья с вредных деревьев.

— Заптии колотили по пяткам людей, которые, все в поту от труда, бледные от усталости и с помутившимися от утомления глазами, возвращались с работы домой. Крики этих людей ты и слышал у себя в доме. А с курильщиков опиума они брали бакшиш. Вот почему заптии и стали одеваться лучше. Потом ты приказал колотить по пяткам тех; кто продаёт опиум, содержателей кофеен, бань, харчевен?

— Я хотел добраться до корней.

— Заптии начали колотить по пяткам тех содержателей кофеен, харчевен и бань, которые не торговали опиумом. «Торгуй и плати нам бакшиш!» Оттого все начали торговать опиумом, куренье усилилось, и заптии весьма переженились. Тогда ты приказал бить сплошь по всем пяткам?

— Когда хотят поймать самую мелкую рыбу, закидывают самую частую сеть.

— Заптии начали брать бакшиш со всех. «Плати и кричи, чтоб заботливый правитель города слышал, как мы стараемся!» А не платишь — палками по пяткам. Вот когда нарядились не только заптии, но и жёны их.

— Что же мне делать? — схватился за голову заботливый правитель города.

— Не хватайся за голову. От этого она не становится находчивее. Отдай приказ: если в Каире будут ещё курить опиум, бить палками по пяткам заптиев.

Джиаффар поднялся в раздумье.

— Святость святостью, а закон законом! — сказал он. — Я позволяю говорить что угодно, но только не против полиции.

И приказал дать дервишу, несмотря на всю его мудрость и святость, тридцать палок по пяткам.

Дервиш вытерпел палки, мудро и справедливо тридцать раз прокричал, что ему больно.

Сел на осла, спрятал деньги в сумку, отъехал шагов десять, обернулся и сказал:

— Участь всякого человека написана в книге судеб. Твоя участь: всегда бить не те пятки, которые следует.